

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Изучение экологической истории России / СССР за рубежом	11
Дискурс о природе и история науки	20
Империя и природа	33
Создание советского пространства	54
Сталинский план преобразования природы	68
Экоистория Арктики	82
Заключение	98
Список литературы	102

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания настоящего обзора находится достаточно большой массив новой зарубежной литературы, посвященной истории взаимоотношений человека и природы в Российской империи / СССР. Географический охват исследований очевиден, хронологический ограничивается главным образом периодом XIX – первой половины XX в. Однако необходимо определиться с терминологией, т.е. с названием дисциплины, занимающейся этим предметом.

Всякому, кто начинает глубоко погружаться в тему – и, соответственно, знакомиться с зарубежной наукой, бросается в глаза проблема перевода. Принятый в отечественной науке термин «экологическая история» не совсем соответствует своему английскому эквиваленту «environmental history». Его буквальный перевод «история окружающей среды» во многих отношениях кажется исследователям предпочтительнее¹. Действительно, в английском названии фигурирует окружающая среда, причем в самом широком значении этого слова, в то время как в русском – экология, т.е. наука об окружающей среде, раздел биологии. Таким образом сужается предполагаемое

¹ Дурновцев В.И. «Environmental history» как «экологическая история» (историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. – № 6 (51). – С. 10–19. При этом подчеркивается, что определения экологической истории не отличаются строгостью, а для ее проблематики характерно исключительное разнообразие: Дурновцев В.И. Экологическая история в координатах отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 4. – С. 9.

поле исследований, и они перенаправляются в область естественных наук либо в сферу охраны природы, с которой в русском языке как раз и ассоциируется слово «экологическая». Собственно говоря, в отечественной науке, где это направление начало развиваться достаточно поздно, и присутствует такое узкое понимание. Предмет исследования, как правило, сводится к истории освоения и охраны природы, в то время как область интересов *environmental history* гораздо шире, и ее границы изменялись с течением времени.

Вместе с тем предметное поле современной отечественной историографии несет в себе совершенно определенные коннотации, отсылая к так называемому инвайронментализму (*environmentalism*) – «зеленому» движению, возникшему в США в 1960-е годы на волне борьбы за гражданские права и свободы, против дискриминации и эксплуатации. На повестке дня стояли тогда такие вопросы, как загрязнение окружающей среды и истощение ресурсов (впрочем, они сохраняют свою актуальность, определяя многие тренды в мировом дискурсе о глобальных проблемах современности). На фоне вполне обоснованных тревог о надвигающемся экологическом кризисе движение инвайронменталистов довольно быстро одержало ощутимые победы: в 1970 г. были приняты значимые природоохранные законы, надолго определившие политику США в этой области.

Именно тогда в США зародились исследования по истории взаимоотношений человека и природы, и страна до сих пор сохраняет свое лидерство в этой области. В 1960–1970-е годы в Соединенных Штатах выходят первые фундаментальные работы, появляются кафедры и учебные программы, позволившие готовить специалистов, в 1974 г. создается Американское общество экологической истории. Несколько позже *environmental history* начинает завоевывать Европу, где имелся солидный фундамент в виде наследия школы Анналов¹.

Как и многие другие дисциплины, возникшие в этот период («черная история», «женская история» и, конечно же, социальная «история снизу»), *environmental history*, которую называли еще

¹ Brüggemeier F.-J. *Environmental history* // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. – Elsevier, 2001. – P. 4621–4622. Интеллектуальные корни *environmental history* были весьма основательными. Среди историков, помимо Л. Февра и М. Блока, необходимо упомянуть американцев Дж.П. Марша и Ф. Тернера, в России это такие фигуры, как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, В.И. Вернадский и многие другие, в том числе те, кто работал в области исторической географии.

и «зеленой историей», представляла собой политический проект. В ней явственно просматривалась благая цель – «сделать мир лучше» – и звучала резкая критика современного капитализма. Оформи́вшаяся полвека спустя российская экологическая история такой цели не имеет, однако занимается теми же проблемами, которые находились в центре внимания американских коллег в 1970–1980-е годы.

В контексте дебатов об экологическом кризисе исследования в области *environmental history* были сосредоточены на изучении разрушительного воздействия человеческой деятельности на природу в разные исторические периоды, а также на способах противодействия этому. Рассматривались причины такого положения дел, и в условиях господствовавшего тогда сциентизма и одновременного развития контркультуры, призывавшей вернуться «к природе», ответственность возлагалась и на «христианские корни», и на «механистическую науку». Непосредственные причины кризиса относили на счет особенностей «западной», т.е. капиталистической цивилизации с ее индустриализацией, урбанизацией и забвением традиций сосуществования человека и природы, которую капитализм стал рассматривать как объект трансформации и использования.

Большую роль в развитии исследований сыграла концепция «экологического империализма» А. Кросби, высветившая биологический аспект европейской экспансии¹. Довольно быстро сложился набор основных тропов о разрушительном воздействии колониализма и глобализации на природную среду: быстрый рост населения в колониях; развитие плантационного земледелия; сведение тропических лесов, что вело к эрозии почв; ввоз европейской флоры и фауны, что нарушало экосистему и несло угрозу биоразнообразию; исчезновение видов растений и животных; наконец, привнесение свойственных белому человеку микробов и вирусов, к которым местное население не имело иммунитета (например, от занесенных европейцами и затем африканскими рабами болезней умерли миллионы индейцев – куда больше, чем от военных столкновений). Подчеркивалось, что освоение и заселение других континентов становилось капиталистическим предприятием по изъятию ресурсов, что сопровождалось безудержной эксплуатацией и изменением первоначального ландшафта до неузнаваемости.

¹ Crosby A.W. *Ecological imperialism : the biological expansion of Europe, 900–1900.* – New York : Cambridge univ. press, 1986.

Environmental history изначально носила междисциплинарный характер, поскольку историкам приходилось опираться на естественные науки – географию, геологию, почвоведение, химию, биологию, медицину и, конечно же, экологию. В свою очередь, представители таких дисциплин, как география и биология (прежде всего историческая география и эволюционная биология), экология, антропология, социология, политология и экономика, также вносили свой вклад в инвайронменталистские исследования.

Существенную роль в них играла критика бытующих представлений о человеке как «венце творенья», который борется с природой, покоряет ее и трансформирует, из эгоистических побуждений неумолимо ее разрушая. Антагонистические отношения с природой предлагалось заменить на дружественные; изучались разнообразные возможности сохранения, консервации природных систем и возвращения их к состоянию стабильного баланса. В исследованиях господствовал нарратив «упадка и разрушения», демонстрировавший, как происходило уничтожение изначально девственной природы. Ставился вопрос о непоправимости ущерба и об ответственности человека за жизнь на планете, которая может быть уничтожена.

С тех пор многое изменилось. На рубеже тысячелетий началось бурное развитие науки, и произошли серьезные трансформации. Environmental history пережила «культурный», «лингвистический», «антропологический» и другие повороты, которые постепенно охватили все гуманитарные и социальные науки. В инвайронменталистских исследованиях к этому времени оформилось множество новых дисциплин: политическая экология, экология человека, экология города и др. Названия некоторых из них довольно сложно перевести на русский: в частности, большой раздел географии, занимающийся взаимоотношениями человека и окружающей среды, human geography, не нашел пока соответствующего эквивалента, поскольку варианты «гуманитарная география» и «гуманистическая география», как и «география человека», не отражают сущности этой науки. Однако в ряде случаев традиционному названию просто предшествует определение «environmental», и для краткости его можно заменить приставкой «эко-»: экофилософия, экосоциология, экопсихология, эоархеология и др.

Понимая, что термин «экологическая история» утвердился в отечественной науке в качестве общепринятого, в данном обзоре, по аналогии с вышеперечисленными примерами, мы будем использовать термин «экоистория» как обозначение зарубежной науки,

имеющей иную дисциплинарную номенклатуру и куда более широкое, как будет показано далее, исследовательское поле.

Все названные и многие не упомянутые здесь дисциплины обращаются к прошлому, исследуя поставленные вопросы в континууме и опираясь на исторический подход. Таким образом, экоистория стала своего рода «зонтиком» для самых разнообразных наук, изучающих взаимоотношения человека и природы, и предложила им свои категории для анализа (класс, раса, этничность, гендер, потребление, коммодификация и др.), а также методы, присущие гуманитаристике. История привнесла в смежные дисциплины пристальное внимание к изменениям, к причинности и случайности, но главное – к историческому контексту [Isenberg, 2014, p. 10–11]. Однако и другие науки, активно развивавшиеся с конца 1990-х годов, дали многое экоистории.

Экологи, в частности, подвергли пересмотру телеологическую концепцию последовательной смены биологических сообществ. Обнаруживая предрасположенность окружающей среды к изменениям, часто непредсказуемым, они заговорили о нелинейной динамике. Экоисторики с легкостью восприняли новую концепцию динамических экосистем, столь созвучную историческому пониманию действительности [Isenberg, 2014, p. 11]. Теория микробиома серьезно изменила понимание «человеческого», показав, что люди физически и эмоционально формируются посредством межвидовых взаимодействий. Благодаря данным эпигенетики, эволюционной биологии, эпидемиологии, геологии и сейсмологии, климатологии и других естественных наук экоистория получила в свое распоряжение новые виды исторических источников [Breyfogle, 2018, p. 17].

Такое «перекрестное опыление» существенно обогащает всех его участников. В новом тысячелетии экоистория стала дисциплиной, соединившей в себе естественно-научное и гуманитарное знание, и одновременно наглядным подтверждением наблюдений о том, что прежняя междисциплинарность утратила свое значение. На смену ей пришла мультидисциплинарность, которая подразумевает, что в одном исследовании используются методы и подходы разных наук; дисциплинарная принадлежность отходит на второй план. Большое значение имеют парадигмы, на основе которых анализируются те или иные сюжеты. В первую очередь это культурно-историческая, с ее интересом к тому, что люди думали о природе, как ее изучали и как на основе этих представлений строили свою идентичность, а также постколониальная, вобравшая в себя критические импульсы 1960-х, однако обогатившая их современными представлениями.

Раса, класс и гендер – три столпа зарубежной историографии, давно составлявшие проблемный стержень исторических исследований, дополнены в экоиории новой категорией «nonhuman», «more-than-human», включающей в себя все, что не является человеческим («больше, чем человеческое»). Исходя из того, что природа и социум неразрывно связаны, взаимно переплетены, исследователи рассматривают не только очевидное – живые организмы, от домашних животных до вирусов, – но и представителей двух других линнеевских царств природы, растительного и минерального (а также продукты химического синтеза), атмосферу и гидросреду, наконец, «неодушевленные» вещи, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, и даже такие абстрактные, как технологии.

В центре внимания экоиории – освоение новых территорий и их ресурсов, изучаемое в контексте истории империй с их «цивилизаторской миссией», что предполагает рассмотрение истории естественных наук, активно развивавшихся в XVIII–XIX вв. Для более позднего времени релевантно применение концепта общества потребления, в особенности когда речь идет о планировке городов, создании рекреационных зон и утилизации отходов жизнедеятельности человека. По-прежнему актуальны исследования аграрной тематики, включающие в себя изучение таких сюжетов, как неурожай и голод, история наук о земледелии, развитие агротехники, строительство ирригационных систем, изменение ландшафта и государственная политика в этой сфере. На стыке экологии, истории медицины, эпидемиологии и др. наук исследуется проблема человеческого здоровья. Изучаются природные и антропогенные катастрофы. Тематическое богатство экоиории почти невозможно охватить, поскольку оно сопоставимо с разнообразием обществ и групп, существовавших в разные времена в разных районах земного шара. Однако нетрудно заметить те концептуальные изменения, которые произошли в ней за последние 15 лет.

Основополагающим для сегодняшней экоиории является представление, что человеческий опыт может быть понят только в более широком контексте, во взаимосвязи с другими организмами, с климатом и погодой, почвой и горными системами, озерами и реками, вулканами и землетрясениями. В отличие от предшествующей историографии, рассматривавшей окружающую среду как статическую данность, как сцену, на которой разворачивается история человечества, или как своего рода детерминанту, определяющую развитие того или иного государства, преобладает идея о

непрерывном движении в системе взаимных трансформаций и влияний [Breyfogle, 2018, p. 7].

На смену детерминистскому нарративу о разграблении природы человеком приходит более сложное, нюансированное повествование о взаимной адаптации. В сущности, в экоиории заметна черта, характерная в целом для мировой историографии, отошедшей от модернистских концептов «конфронтации и сопротивления» и выдвинувшей на первый план «взаимодействие», т.е. адаптацию, компромисс, диалог.

В то же время периодизация в экоиории построена на основе традиционных антропоцентристских представлений о роли человека в трансформации окружающей среды. В 2010-е годы приобрела популярность концепция антропоцена, выделившая эпоху в истории земли, когда уровень воздействия человеческой деятельности на экосистемы планеты стал заметным, – как считают, даже с начала неолита. Таким образом были существенно раздвинуты хронологические границы экоиории с одновременным включением в нее таких дисциплин, как геология, климатология и др. («большая история»). Поворотными моментами в периодизации являются не политические события, а более фундаментальные процессы: неолитический переход к оседлому земледелию, малый ледниковый период второго тысячелетия н. э., промышленная революция XIX в., «великое ускорение» – быстрый рост производства и потребления после 1945 г., сопровождаемый ростом численности населения, наступление ядерной эпохи [Breyfogle, 2018, p. 15].

Экоиории имманентен транснациональный подход, который в ряде случаев, как отмечается, – не роскошь, а необходимость. Так, изучение истории климата побуждает выходить за пределы государственных границ. Чтобы понять, например, корреляцию между неурожаями и погодой в Англии начала XVII в., нужно обратиться к извержениям вулкана в Перу и использовать данные, полученные в Гренландии, Антарктике, Гималаях и Альпах [Carey, 2014, p. 27]. Таким образом географический охват исследований расширен до глобального, с одновременным глубоким вниманием к локальному.

Помимо традиционной работы в архивах и библиотеках экоиористики активно занимаются и полевой работой. Увидеть своими глазами изучаемую местность, пообщаться с живущими там людьми, взглянуть на окружающее их глазами – это своего рода кредо современного экоиориста, работающего во взаимодействии с экологами, геологами, биологами и другими специалистами [Breyfogle, 2018, p. 17].

ИЗУЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ / СССР ЗА РУБЕЖОМ

На сегодняшний день экоистория составляет существенную часть современной зарубежной историографии, статистически примерно одну седьмую¹. Та же пропорция наблюдается и в зарубежной русистике, хотя ее проблематика и не отличается тем богатством и разнообразием, которое характерно для мировой историографии в целом. Интерес к экоистории там долгое время практически отсутствовал. По подсчетам Жужи Джилл, за 67 лет существования журнала «Славянское обозрение» в нем были опубликованы всего три статьи, имеющие какое-то отношение к природе или к проблемам ее охраны, и только в 2009 г. удалось подготовить тематический номер «Природа, культура и власть» [Gille, 2009, p. 1]. В него вошли несколько статей, посвященных главным образом вопросам охраны природы на территории бывшего СССР и стран Восточной Европы. Форум обозначил начало фактически «взрывного» развития экоистории в дисциплине, называемой Russian and East European studies (российские и восточноевропейские исследования).

Нельзя сказать, что исследователи начинали с чистого листа: к этому времени вышли монографии Д. Винера «Модели природы» и «Маленький уголок свободы», посвященные истории природоох-

¹ Большакова О.В. Человек и природа в истории: современные зарубежные исследования. Комментарий к библиографии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 3. – С. 208.

ранного движения в СССР, и другие работы¹. Британские географы Д. Шоу и Дж. Пэллот исследовали модели поселений и колонизации в разных регионах Российской империи². Уделялось внимание культурным репрезентациям природы и географии России в ее связи с русской идентичностью, представленным в работах как литературоведов, так и географов³. Джон Маккеннон рассмотрел историю советских полярных экспедиций, а также возникновение мифа о Севере в массовой культуре эпохи сталинизма⁴. После чернойбыльской катастрофы, благодаря политике гласности, открывшей прежде засекреченные данные о состоянии окружающей среды в Советском Союзе, появилось какое-то количество работ о политике «экоцида» в СССР⁵. Собственно говоря, это и были основные темы, с которых стартовала экоистория России / СССР.

В начале 2000-х годов готовились первые диссертации, превратившиеся затем в серьезные монографии, прорывные для русистики, прежде сосредоточенной на социальных и политических исследованиях. Тем не менее и в них традиционно большое внимание уделялось государству и его политике, в отношении как «завоевания природы», так и ее охраны, и не потерял свою влияние нарратив «упадка и разрушения» с акцентом на деградации природной среды в СССР. Другое дело, что утверждения об «экоциде», который относили на счет brutальной политики большевиков, стали сменяться сравнениями с аналогичными явлениями в капиталисти-

¹ Weiner D. Models of nature: Ecology, conservation, and cultural revolution in Soviet Russia. – Bloomington : Indiana univ. press, 1988; Weiner D. A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev. – Berkeley : Univ. of California press, 1999; Bonhomme B. Forests, peasants, and revolutionaries: Forest conservation and organization in Soviet Russia, 1917–1929. – Boulder, CO : East European Monographs, 2005.

² Pallot J., Shaw D.J.B. Landscape and settlement in Romanov Russia, 1613–1917. – New York : Oxford univ. press, 1990.

³ Bassin M. Imperial visions: Nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1999; Ely Chr. This meager nature: Landscape and national identity in imperial Russia. – DeKalb, Ill : Northern Illinois univ. press, 2002; Understanding Russian nature: Representations, values, and concepts / Ed. by Rosenholm A., Autio-Sarasma S. – Helsinki : Kikumora Publications, 2005.

⁴ McCannon J. Red Arctic: Polar exploration and the myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. – Oxford : Oxford univ. press, 1998.

⁵ См., в частности: Feshbach M., Friendly A., jr. Ecocide in the USSR: Health and nature under siege. – New York : Basic Books, 1992.

ческих странах, и прежде всего в США. Однако авторы исходили из уникальности и исключительности советского опыта (мнение, унаследованное от эпохи холодной войны), и вопрос решался в плоскости, «лучше» или «хуже» был Советский Союз, чем западные демократии, когда речь шла о состоянии окружающей среды, – хотя оценки постепенно смягчались¹.

К настоящему времени зарубежные исследователи перестали считать СССР примером жесточайшей и широкомасштабной эксплуатации природных ресурсов, обнаруживая противоположные тенденции бережного отношения к природе и более того – традицию глубокого ее изучения русскими учеными, далеко продвинувшими естественно-научное знание [Oldfield, Lajus, Shaw, 2015, p. 1].

Несомненно, свою роль в данном случае сыграло активизированное сотрудничество с российскими коллегами: участие в конференциях и проектах, подготовка совместных публикаций. Так, международная конференция прошла в 2014 г. в Елабуге под эгидой Казанского университета, и ее итогом явился содержательный сборник². По итогам форума 2013 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге вышел тематический номер журнала *Slavonic and East European Review* (Славянское и восточноевропейское обозрение). Совсем недавно было опубликовано несколько совместных сборников³. Их содержание свидетельствует о том, что хорошо развитые исследования по истории науки в нашей стране, а также свойственное отечественной академической среде углубленное внимание к локальным особенностям оказывают определенное влияние на зарубежную русистику.

В то же время современные тенденции в мировой историографии побуждают зарубежных историков-инвайронменталистов, специализирующихся на изучении России / СССР, обращаться к

¹ См., напр.: *An environmental history of Russia* / Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremento D., Larin V. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2013.

² Экологическая история России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы международной научной конференции (г. Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). – Елабуга : Яковлева Н. А., 2014.

³ *Place and nature : essays in Russian environmental history* / Ed. by Moon D., Breyfogle N.B., Bekasova A. – Cambridgeshire : White Horse Press, 2021; *The Russian cold: Histories of ice, frost, and snow* / Ed. by Herzberg J., Renner A., Schierle I. – 2021; *Thinking Russia's history environmentally* / Ed. by Evtuhov C., Lajus J., Moon D. – Berghahn Books, 2023.

глобальному контексту. Все в большей мере используется транснациональный подход, расширяются проблематика и география исследований.

Следует отметить тот восторг, который вызывает у зарубежных историков исключительное разнообразие Евразии в географическом, климатическом и экологическом отношении. Одна шестая часть суши включает в себя несколько природных зон и такие биомы, как полярная пустыня, тундра, бореальные леса зоны тайги, широколиственные леса умеренной зоны, лесостепь, безводная степь, пустыня и полупустыня. В этих зонах обитают многочисленные представители флоры и фауны, среди них сотни эндемичных видов. По территории Евразии протекают пять из 17 самых длинных рек мира, имеется самое глубокое и самое древнее на планете озеро Байкал. Омывающие ее моря и два океана, Северный Ледовитый и Тихий, оказывают влияние не только на побережье, но и на глобальную погоду. Уникальный материал для глобальной экоистории предоставляют большие территории с низкотемпературным климатом. В геологическом отношении также наблюдается большое разнообразие: огромные площади вечной мерзлоты, горы Кавказа, Урала, Алтая и вулканы Камчатки [Breyfogle, 2018, p. 9].

Стратегическая оценка природных ресурсов России и стран постсоветского пространства остается в центре политических дебатов, так что ресурсы являются важной темой для исследований истории Советского Союза. Подчеркивается, что геополитические отношения между бывшими советскими республиками во многом определяются такими факторами, как борьба за использование ресурсов и за сокращение вредных выбросов. В середине 2010-х годов усилилась конкуренция между Таджикистаном и Узбекистаном за воду, как техническую – для электростанций и орошения, – так и питьевую. «Неутолимая тяга» Китая к природным ресурсам РФ – лесу, воде, минералам, мехам, нефти и газу – лежит в основе отношений двух стран. Одним из аспектов отношений между Россией и Украиной были поставки энергоресурсов и их транзит. Дипломатическая борьба с Канадой, США, Данией и Норвегией разворачивается в сегодняшней «гонке за Арктику» – за контроль над богатейшим в природном отношении регионом [Breyfogle, 2018, p. 10].

Учитывая значение природных ресурсов для экономического развития России и стран Средней Азии и Казахстана, важно знать исторические модели эксплуатации окружающей среды в этом регионе. Экоистория Евразии позволяет теоретически осмыслить связи между экономическим развитием, эксплуатацией ресурсов,

деградацией окружающей среды и проблемами управления. Интеграция в XVIII–XX вв. под контролем одного государства обширных территорий, населенных народами, крайне разнообразными в плане религии, культуры и языка, образа жизни, форм семьи, практик экономической деятельности и социальных моделей, создала эколого-политико-экономическую зону, в которой потребности одних регионов трансформировали экологию других [Breyfogle, 2018, p. 10].

Будучи одной из крупнейших империй XIX–XX вв., Россия дает богатый материал для изучения экологических аспектов империализма, включая историю колонизации, «агроэкологическую» историю крестьянской по преимуществу страны, развитие науки в контексте освоения отдаленных территорий, наконец, связи между империостроительством и распространением заболеваний, и не только среди коренных народов. Мультиконфессиональный характер империи позволяет увидеть, как разные религии понимали и объясняли отношения человека и природы, каковы были взаимоотношения между научным и традиционным (локальным) знанием [Breyfogle, 2018, p. 13–14].

В центре внимания историков-инвайронменталистов – такие проблемы, как история знания о природе, литература и национальная идентичность, история катастроф – как природных, так и техногенных, а также неурожаев и голода. В то же время не остаются без внимания и проблемы власти, поскольку, как сформулировал Д. Блэкборн, «господство человека над природой многое может рассказать нам о природе человеческого господства»¹. Поэтому практики имперского и советского государств по управлению и контролю над территориями изучаются достаточно глубоко, при этом с акцентом на тех ограничениях, которые окружающая среда налагает на усилия человека по ее трансформации.

СССР предложил альтернативную капитализму модель развития, однако все более подробное изучение экологии XX в. обнаруживает глубокую преемственность между царским и советским режимами. Задача преодоления «разрыва 1917 года» и, соответственно, водораздела между двумя дисциплинами Russian imperial history и Soviet history, давно стоит перед зарубежной русистикой. В исследованиях истории

¹ Blackbourn D. The conquest of nature: Water, landscape, and the making of modern Germany. – New York : W.W. Norton, 2006. – P. 7.

науки разрыв преодолевается совершенно безболезненно, поскольку многие идеи, реализовавшиеся в советский период, зарождались задолго до революции, трансформируясь в соответствии с велениями времени и политическими реалиями. То же самое относится и к экоистории, с ее вниманием к истории идей и к людям, которые продолжали работать и после исторических катаклизмов 1914–1921 гг. Но главное, что окружающая среда как предмет исследования мало восприимчива к хронологии политической истории. «Разрывы», происходившие в политической сфере, играли не столь серьезную роль. Как отмечается, Октябрьская революция и сталинская «революция сверху» выступают в инвайронменталистских исследованиях не столько моментами фундаментальных изменений, сколько периодами «перенастройки», «корректировки моделей человеческого поведения в евразийском экологическом контексте» [Breyfogle, 2018, p. 8].

Закономерен интерес зарубежных русистов к истории советской индустриализации и «великих трансформаций» – масштабных проектов социалистического государства по преобразованию природы, оказывавших влияние не только на экосреду, но и на человека. В их работах уделяется внимание промышленному освоению территорий, строительству инфраструктуры и объектов энергетики, ирригационных систем в засушливых регионах и городов в условиях высоких широт.

Стремление лишить царскую и Советскую Россию исключительности («de-exceptionalize»), показав ее встроенность в мировой исторический процесс, давно просматривается в зарубежной русистике, реализовалось оно и в современных работах по экоистории. Сравнения меняют свой характер: исследователи обнаруживают сходство российских моделей, процессов и практик с теми, которые в тот же период времени существовали в других странах. В работе Кейт Браун представлена параллельная история двух ядерных комплексов – в американском Ричланде и советском Озёрске, – строившихся по одной модели и нанесших сопоставимый вред окружающей среде, намного превышающий вред от чернобыльской катастрофы. Связующей нитью для авторских сравнений двух закрытых городов, где производили плутоний, выступает концепция общества потребления, в равной степени приложимая, как выясняется, и к США, и к СССР [Brown, 2013]¹. Выходят и другие рабо-

¹ См. реферат в сб.: Наука в СССР: Современная зарубежная историография. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – С. 133–144.

ты, вписывающие Россию в общий нарратив условно «западной» истории, в частности в эпоху Великих географических открытий, начинающуюся с путешествия Колумба и называемую «эпохой экспансии». Б. Бономм показал участие России в этом процессе (включавшем в себя не только завоевания и колонизацию, но и исследования неизвестных территорий) начиная с 1580 г. и заканчивая полетами в космос [Bonhomme, 2012].

Происходят изменения и в географическом отношении. Несмотря на то что принятая в американских университетах модель региональных исследований разделяет мир на «геополитическо-культурные» блоки, инвайронменталисты преодолевают такие ограничения [Breyfogle, 2018, p. 16]. Исследователи практикуют транснациональный подход – как известно, национальные и административные границы редко совпадают с географическими, в то время как находящиеся в фокусе их внимания природные и климатические зоны носят планетарный характер.

Как результат, инвайронменталистские исследования русистов имеют большое значение не только для понимания истории Российской империи и СССР, но и для всей дисциплины в целом. Новое поколение историков-инвайронменталистов сумело вписать свои работы в глобальные дискуссии о природе и месте в ней человека [Dills, 2013, p. 41]. Так, исследования ирригации засушливых территорий в царское и советское время вносят весомый вклад в дебаты о «гидравлических обществах» [Readings in water history..., 2021; Hydraulic societies..., 2023]. В то же время опыт Евразии имеет и практическое значение для других стран, поскольку знание региональных и локальных особенностей в их историческом развертывании позволяет лучше понять те или иные явления. В частности, советские практики консервации и охраны природы (задуманные до революции и реализовавшиеся в виде создания системы заповедников, в отличие от национальных парков в США) обогащают историю мирового природоохранного движения [Roe, 2020; Breyfogle, 2018, p. 14].

Рассмотренные в настоящем обзоре работы написаны представителями разных дисциплин, от экологического литературоведения (ecocriticism) до исследований науки и технологий (science & technology studies – STS). Объединяет их интерес к истории России, главным образом к периоду модерности (современности), начавшемуся после Великой французской революции. Многие (но далеко не все) авторы опираются на концепцию высокого модернизма (high modernism) как отдельной эпохи со своей системой взглядов, выдвинутую известным

антропологом Джеймсом К. Скоттом. Он указал, что самой заметной чертой идеологии, получившей развитие в конце XIX – начале XX в. и реализовавшейся впоследствии в ряде крупнейших инженерно-архитектурных проектов, являлась в высшей степени оптимистическая вера в научно-технический прогресс. Принципиальное значение имели тезисы о неограниченном расширении производства для удовлетворения человеческих нужд, о достижении господства над природой (включая природу самого человека) и о рациональной организации как социального устройства, так и окружающего пространства. Центральное место в идеологии высокого модернизма, не знавшей политических границ и предпочтений, занимало государство, которое виделось единственной силой, способной реализовать утопические планы по переустройству действительности¹.

Структура обзора организована таким образом, чтобы осветить основные проблемы экоистории, интересующие зарубежную русистику, и одновременно выстроить достаточно связный нарратив, для чего использован хронологический подход. Анализ ограничивается рамками одного столетия, с середины XIX до середины XX в. Далее наступает совсем иная эпоха, характеризующаяся развитием в СССР природоохранного движения на фоне экологических катастроф, что требует отдельного рассмотрения.

В обзоре в историческом ключе анализируется публичный дискурс о природе, циркулировавший в XIX–XX вв. и вписанный в историю развития естественных наук. Показано, что строительство империи как процесс освоения территорий продолжалось и в годы первых пятилеток, когда шло создание нового «советского» ландшафта. Как пример грандиозного социалистического проекта, имеющего при этом глобальное измерение, представлен сталинский план преобразования природы 1948–1953 гг. Последний раздел выходит за хронологические рамки обзора и посвящен изучению отдельного региона – Арктики, что позволяет дать представление как о широте проблемного спектра, так и об общей траектории развития инвайронменталистских исследований.

¹ Scott J.C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. – New Haven, Conn. : Yale univ. press, 1998. – P. 4–5. Рус. пер.: Скотт Дж. Благими намерениями государства : почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. – Москва : Университетская книга, 2005.

За рамками обзора осталась крайне важная для экоистории тема, связанная с охраной здоровья. В зарубежной русистике имеется довольно большой корпус литературы, посвященной эпидемиям, история которых исследуется как в политическом, так и в антропологическом ключе [Lynteris, 2016; Robarts, 2017; Davis, 2018 и др.]. Большой интерес представляет история курортолечения в его связи с климатом – в Крыму и на черноморском побережье Кавказа, в степях Причерноморья и Поволжья [Conterio, 2019; Lywood, 2018; Peterson, 2022]. Эти сюжеты, неотделимые от истории медицины в Российской империи и СССР, могут стать предметом отдельного историографического исследования.

Для рассмотрения были отобраны монографии, опубликованные на английском языке начиная с 2010-х годов. Их авторы, однако, живут и работают в разных странах, и английский используется в данном случае как язык межнаучного общения. Немецко- и франкоязычные работы стоят несколько особняком и в том, что касается интерпретаций (часто весьма негативных), и в концептуальном отношении. В конечном итоге в обзоре представлен «американский взгляд» на историю России / СССР, основанный на многолетних традициях как зарубежной русистики, так и созданной в 1970-е годы в США экоистории.

Авторы рассмотренных работ, как правило, неоднократно и подолгу бывали в России и в бывших советских республиках, занимались в архивах, ездили по исследуемым ими регионам, взаимодействовали с учеными и практиками, агрономами и мелиораторами, сейсмологами и геофизиками, этнографами и антропологами, да и сами беседовали с местными жителями¹. Собранный ими материал не только интересен сам по себе, но и вносит коррективы в историографические стереотипы, показывая роль окружающей среды в процессах индустриализации и модернизации.

Труды зарубежных русистов по экоистории отличают глубокий интерес и даже, как выразился один из рецензентов, «эмпатия» к предмету изучения, стремление «познать неведомое» и позиция «уважительного понимания»². А благодаря литературному стилю изложения, часто по-настоящему яркому, они читаются как захватывающее приключение.

¹ Целый раздел в сборнике «Place and nature : essays in Russian environmental history» посвящен весьма содержательным фоторепортажам, среди их авторов – такие известные историки, как Николас Брейфогл, Кэтрин Евтухов и Дэвид Мун.

² Ely Chr. Rec. ad op.: Jane Costlow. Heart-pine Russia : Walking and writing the nineteenth-century forest // Cahiers du monde russe. – 2014. – Vol. 55, N 3/4. – P. 382–384.

ДИСКУРС О ПРИРОДЕ И ИСТОРИЯ НАУКИ

Представления об окружающем мире, изменяющиеся во времени, играют определяющую роль в человеческой деятельности. Оформленные в виде дискурсов – публичного, политического, научного, литературного, – они оказывают влияние как на действия людей, так и на политические программы. Трудно сказать, что является первичным: ученые ставят вопросы и формулируют свои интерпретации под влиянием «запросов времени», а писатели черпают из современной им науки идеи и представления, вплетают их в ткань своих произведений, предлагая метафорические формулы, которые входят в обыденное сознание. В любом случае и наука, и беллетристика, и изобразительное искусство являются зеркалом, в котором отражается их время, и эти отражения начинают жить своей жизнью, растворяясь почти бесследно или, напротив, многократно повторяясь, искажаясь либо превращаясь в штампы и расхожие мнения, которые живут в веках и включаются в новые дискурсы.

Для экоистории дискурс о природе, то есть набор определенных представлений, словесных формул, клише и мифологических стереотипов, формирующих связную конструкцию, которая описывает «природу» и ее взаимоотношения с человеком общепринятым образом, имеет основополагающее значение. Он составляет важную часть исторического контекста, изучением которого эта дисциплина, собственно, и занимается. В центре ее внимания находится знание об окружающем мире, что включает в себя интерес как к развитию науки, так и к «традиционному» знанию о природе и чело-

веке, вырабатывавшемуся веками разными народами и культурами. Литература, как своего рода компендиум обыденных представлений о природе, формировавший мировоззрение целых поколений, также является важным источником и предметом исследований [Breufohle, 2018, p. 21].

В зарубежной историографии традиционно принято подчеркивать чрезвычайную агрессивность, даже милитаризованность советского дискурса о «завоевании природы», лежавшего в основе политики индустриализации. В то же время исследователи фиксируют наличие другого, более умеренного дискурса, который основывается на целостном (холистическом) взгляде на природу и предполагает бережное к ней отношение. Отмечается, что в разные исторические периоды наблюдалось преобладание одного из них. При чтении трудов зарубежных россиеведов можно обнаружить совершенно определенную динамику и преемственность в тех представлениях о природе, которые циркулировали в Российской империи и в СССР в XIX–XX вв.

С этой точки зрения представляет интерес книга литературоведа М. Эрли «На русской почве», в которой прослеживается генеалогия русских и советских мифов о нации и природе, основанных на концепте «почвы» [Erley, 2021]. Пытаясь извлечь «русскую почву» из-под многовековых смысловых наслоений, автор выбирает для рассмотрения не самые хрестоматийные примеры. В шести главах с соответствующими названиями она анализирует символическую жизнь почвы в разных ипостасях – таких, как родная земля, материя, грязь, осадочная порода, пустырь, целина. Исследование выстроено хронологически, демонстрируя, как дискурсивные и символические ресурсы аккумулировались в культуре с течением времени, начиная с отмены крепостного права, когда в центре внимания находилась почва как источник русской идентичности, и заканчивая поздним социализмом, с его концепцией дружбы народов.

Автор исследует русскую почву как одновременно природный и культурный объект, до предела насыщенный мифологией и символизмом. Почва, пишет Эрли, представляет собой материальную основу цивилизаций, она воплощает в себе самые давние и близкие отношения человека с природой, от рождения до смерти, начиная с библейского мифа о человеке, сотворенном из «праха земного» [Erley, 2021, p. 2]. Используя исторический подход к мифу, она сосредоточивается на периоде модерности (современности), времени головокружительных изменений: империалистической экспансии и нациестроительства; реформ, войн и революций; стремительной

урбанизации и масштабных людских миграций; разрушения традиционного аграрного уклада в ходе советской коллективизации. Для мировоззрения эпохи модерности характерно обостренное внимание к прогрессу, когда наряду с глубокими сомнениями и даже страхами относительно будущего цивилизации присутствовала боязнь отстать от более развитых соседей.

Точно так же и в России в течение XIX в. ощущение «небезопасности», как пишет автор, в связи с медленным развитием страны часто принимало компенсаторную форму в виде завышенной оценки традиционной русской жизни, которую олицетворял крестьянин-землепашец. В дискурсе о нации, создававшемся славянофилами, а затем почвенниками, фетишизировались деревенская жизнь и традиции, а идеализированный крестьянин выступал хранителем «подлинной» русской идентичности. Происхождение славянофильского дискурса автор усматривает в германской философской традиции конца XVIII – начала XIX в., прежде всего в трудах Гердера, которого Белинский называл «пророком». Выработанный им ботанический образ наций как цветков в мировом саду – больше, чем эпитет: он говорит о нации как о живом организме, сформированном уникальной природной средой, и прежде всего почвой, в которой он «коренится». Эту потенциально богатую аналогию кто-то использовал как источник соответствующих метафор, но для многих органицизм стал инструментом для понимания онтологии нации и хода ее развития [Erley, 2021, p. 13–16].

В русском дискурсе возникает целый ряд соответствующих тропов, в том числе о неплодородности русской почвы, о чем писали и Чаадаев, и Бердяев, оперируя также бинарной оппозицией «почва / беспочвенность» и используя в отношении нации негативное определение «лишенная корней». Общим местом становится идея о том, что национальная почва была удобрена и возделана предками, и это подразумевало некий жертвенный долг перед будущим, необходимость обогатить землю, чтобы нация могла цвести и плодоносить.

Появляется клише культурного обмена как «трансплантации», происхождение которого можно проследить до вольтеровской «Истории Петра Великого» (1763) с его образом Петра-садовника, пересадившего на русскую почву чужеземные науки, искусства и ремесла. Набор органических тропов, ведущих свое происхождение из эпохи Просвещения, особенно большое значение имел для писателей-почвенников конца XIX в., размышлявших об уникальном «органическом» развитии России [Erley, 2021, p. 19].

Для «шестидесятников», прежде всего в лице Чернышевского, Добролюбова, Писарева, почва стала символом не национального характера, а материалистического мировоззрения. В 1860-е годы земельный вопрос занял центральное место в публичном дискурсе. Это было время повального увлечения трудами немецкого химика Либиха, уже воспитавшего первое поколение своих русских студентов. В 1860–1863 гг. вышло девять русских переводов его работ, автор воспринимался как «икона радикализма» и научного материализма, он «выступал в качестве символического объекта столкновения между двумя идеологическими лагерями и интеллектуальными поколениями», что отразилось в полемике по поводу «Отцов и детей» между Тургеневым и Чернышевским (который прямо отобразил теорию немецкого ученого в одном из снов Веры Павловны) [Erley, 2021, p. 33–34].

В то время как в Европе Либиха уже критиковали молодые позитивисты за излишнюю «литературность» и «витализм», в России, задержавшейся в своем развитии за годы правления Николая I, труды немецкого химика считались последним словом науки. Согласно его теории метаболизма минералы, входящие в состав почвы, растений и живых организмов, находятся в состоянии постоянного обмена, и почва, в которую возвращаются органические остатки, представляет собой главного посредника в поддержании жизни. Постулаты Либиха побуждали к размышлениям о социальных вопросах. Была поставлена проблема противостояния города и деревни, которую «метаболически» обкрадывают, забирая у нее рожь и пшеницу. Обкрадывают, как отмечал в «Письмах из деревни» Энгельгардт, и Россию, которая все в больших масштабах экспортировала зерно на Запад, что нарушало «метаболизм» и вело к истощению «русской почвы» [Erley, 2021, p. 45].

По словам Эрли, «возникновение русской науки почвоведения имело прямое отношение к превращению почвы Российской империи в глобальный товар» [Erley, 2021, p. 47]. Рост рынка зерна дал импульс к пониманию особых характеристик русских региональных видов почв, когда «русский чернозем» вошел в мировую экономику. Так называлась первая серьезная работа В.В. Докучаева, опубликованная в 1883 г. и превратившая чернозем в предмет национальной гордости и объект международного интереса. Докучаев показал, что почва является уникальным органическим образованием, формирующимся при строго определенных климатических, топографических и биологических условиях. Он подчеркивал исключительность русской почвы, которая представляет собой

природное богатство России. Указывал он также, что при таких уникальных свойствах «нашей почвы» должно быть стыдно полагаться на немецкую агрономию: требуется особый русский подход к науке о почве, чтобы охватить всю сложность этого объекта. Его Докучаев реализовал в своих работах, используя также методы, которые сейчас назвали бы устной историей, этнографическим описанием, включающим в себя сведения о местных мифах и практиках обработки земли [Erley, 2021, p. 31–32].

Деятельности Докучаева (1846–1903), которого считают основоположником школы научного почвоведения и географии почв, уделяется большое внимание в зарубежной русистике. Прослеживается его не совсем обычная биография как ученого, поскольку он не проходил стажировок за границей, почти не знал иностранных языков и в чем-то был самоучкой, самостоятельно прокладывая свой путь в науке [Moon, 2013, p. 53]. Его знаменитый «Русский чернозем» был написан по итогам экспедиций 1877–1878 и 1881 гг. под эгидой Вольного Экономического общества, затем последовали другие, результатом которых всегда являлись новые труды. Докучаев обладал также талантами педагога и организатора. Довольно быстро родилась «школа Докучаева», благодаря которой русская наука почвоведения достигла впечатляющих успехов. Сформулированная Докучаевым на основе анализа множества образцов теория образования почв позволила классифицировать их и создать типологию, пригодную для использования во всем мире [Moon, 2013, p. 15].

Вклад зарубежной русистики в изучение сюжетов, связанных с деятельностью Докучаева, заключается прежде всего в рассмотрении проблемы трансфера знаний, вектор которого традиционно считали направленным с запада на восток. Тем не менее не так давно появились работы, в которых демонстрируется движение в обратном направлении, и самым ярким примером считается почвоведение. Как пишет Йан Аренд, в 1934 г. немецкий почвовед Рихард Ланг призывал избавиться от русских терминов, заполонивших немецкую науку, – таких, как «чернозем», «подзол» и др. Впрочем, та же ситуация наблюдалась и в англоязычном почвоведении [Arend, 2017, p. 683–684]. Одна из монографий британского историка Д. Муна целиком посвящена восприятию русской науки почвоведения в Америке в 1870–1930-е годы, в том числе заимствованию разработанных Докучаевым и его коллегами методик создания защитных лесополос [Moon, 2020].

Эти методики начали активно разрабатываться в ходе катастрофы 1891–1892 гг., когда жестокая засуха с пыльными бурями

привела к голоду, который вызвал острую реакцию всего русского общества. Были поставлены вопросы о вредном воздействии человека на окружающую среду, о возможностях и методах земледелия в степной зоне, об изменениях климата и засухах, о способах предотвращения эрозии почв, – короче говоря, обо всем, что вредило плодородию. Одним из первых ответов стала публикация книги Докучаева «Наши степи прежде и теперь» (1892). Написанная доступным и одновременно ярким языком, она не только давала читателю общие знания о естественно-исторических условиях степной зоны, но и намечала обширную программу ее «улучшения» и сохранения. В центре внимания автора – обеспечение водного баланса почв в степной зоне. Важная роль в программе отводилась защитной функции лесов, в том числе говорилось о необходимости сохранения полноводности русских рек путем высадки деревьев вдоль их берегов [Moon, 2020, p. 25].

Деятельность Докучаева высвечивает те особенности русской науки, которые фиксируются зарубежными исследователями. В первых, отмечается присущее ей целостное (холистическое) понимание физической среды, сохранившее свои позиции и в советское время, – о чем свидетельствуют научные биографии географов Л.С.Берга (1876–1950) и А.А. Григорьева (1883–1968). Другой ее особенностью, пишут Дж. Одфилд и Д. Шоу, было «понимание науки как созидательной силы, призванной служить общественному благу». По их мнению, присущий образованной элите «этос служения» вел свое происхождение из XVIII в. Ведущие ученые и царской, и Советской России исповедовали эту этику [Oldfield, Shaw, 2016].

Следует добавить, что естественные науки в России развивались в активном взаимодействии с обществом, испытывавшим к науке все возрастающий интерес, и немалую роль здесь играла гражданская позиция ученых, которая обеспечивала им авторитет – и популярность. Рубеж веков, судя по ряду исследований, – время, когда представления общества о природе сложились в весьма определенный (и влиятельный) дискурс.

Кризис 1891–1892 гг. стал в этом отношении поворотным моментом. В горячих дебатах на страницах газет и журналов формулируется, в частности, идея о том, что природные богатства России – леса, реки, почвы, полезные ископаемые – являются национальным достоянием [Pravilova, 2019]. Нельзя сказать, что до этого общество было глухо к «проблемам окружающей среды». В книге Джейн Костлоу [Costlow, 2013] прослеживаются дискуссии 1860–1880-х годов в «толстых» журналах (в частности, в «Русском вестнике») о русских

лесах, судьба которых вызывала острую тревогу. Речь шла об угрожающем обезлесении в результате распашки земель, прежде всего в южных районах Европейской России.

Однако надежных статистических данных по России в тот период еще не было, поэтому писавшие об этой проблеме ссылались на примеры Западной Европы, предсказывая, что катастрофическое обезлесение предгорий французских Альп и речных долин Германии – «наше будущее». Как замечает Е. Правилова, складывавшаяся в России идеология охраны лесов формировалась вовсе не под влиянием реальной опасности – первоначально это был импорт европейской науки, и прежде всего передового немецкого лесоводства [Pravilova, 2014, p. 48]. Уже в 1830–1840-е годы важной темой дискуссий стало право частной собственности на леса, воды и подземные богатства, которые предложили считать достоянием всего общества, а не только их непосредственных владельцев. Доказывалось, что эти ресурсы (за исключением лесопосадок) не являются плодом человеческого труда и потому должны находиться в распоряжении государства, которое сумеет рационально, на научных основаниях управлять ими в интересах настоящих и будущих поколений [Pravilova, 2014, p. 50–51].

После отмены крепостного права правительство всерьез занялось проблемой активной вырубке лесов землевладельцами и крестьянами, пытавшимися удержаться на плаву в трудной экономической ситуации. Однако планы по ограничению прав частной собственности встретили ожесточенное сопротивление дворянства. Готовившаяся реформа лесного хозяйства страны требовала тем не менее усиления роли государства. Рассматривались и активно обсуждались два варианта: введение государственного контроля над частными лесами и их «экспроприация», т.е. выкуп. Владельцы склонялись ко второму, поскольку не желали пускать государственных контролеров в свои владения, а практика выкупа земель под строительство железных дорог уже имелась [Pravilova, 2014, p. 61–64].

В 1870–1880-е годы и общественным деятелям, и ученым, и просвещенным помещикам было уже очевидно, что сведение лесов ведет к превращению целых местностей в «засушливые пустыни». Как показала в своей книге Дж. Костлоу, картины гибнущей природы глубоко проникали в сознание общества, тем более что они находили отражение не только в публицистических текстах, но и в художественной литературе и в изобразительном искусстве. Автор останавливается на произведениях Тургенева, Толстого, Некрасова, Мельникова-Печерского, анализирует картины Репина и Нестерова,

которые отражали тревогу современников. Напрямую она выражена в страстном монологе Астрова в «Дяде Ване» о губительных последствиях исчезновения лесов [Costlow, 2013, p. 110–111]. Кроме того, и сам троп «русского леса», олицетворявшего не просто «родную природу», но саму Россию, играл большую роль в росшем национальном самосознании.

В публичном дискурсе XIX – начала XX в., в который вносили свой вклад писатели и художники, ученые и публицисты, наконец, религиозные деятели и «технократы-практики», лес предстает олицетворением России и источником ее материального и духовного богатства. При этом все заметнее были тревожные нотки, с возрастающим ощущением конечности этого ресурса. В России, как показала Дж. Костлоу на примере деятельности популяризатора естествознания, «отца русской фенологии»¹ Д.Н. Кайгородова (1846–1924), вырабатывалась особая «природоохранная этика», базирующаяся на значительном фундаменте текстов и образов, в которых лес занимал основополагающее место.

Для характеристики ситуации показательна научная биография Г.Ф. Морозова (1867–1930) – профессора Лесного института в Петербурге, редактора влиятельного «Лесного журнала», автора классического труда «Учение о лесе» (1912). В его холистическом учении лес предстал как биологическое, географическое и историческое явление, тесно связанное с природной средой – климатом, почвой и животным миром. Морозов, во многом в противовес воззрениям господствовавшей ранее германской традиции с ее стремлением к созданию организованного лесного пространства, выработал новый подход, в котором связал воедино экономическую функцию (лесное хозяйство) и природоохранную (лесоводство). Его подход базировался на утверждении, что русские леса требуют к себе более осторожного отношения, чем леса Западной Европы. И потому лесничие должны активно, но ненасильственно регулировать жизнь каждого конкретного лесного участка в соответствии с его биологическими потребностями. Еще до революции 1917 г. Морозов и его многочисленные последователи выступали за национализацию частных лесов (которые составляли в 1914 г. чуть более 20% против 40% в 1860-е годы), утверждая, что только правительство может поставить во главу угла здоровье леса, а не извлечение прибыли [Brain, 2011].

¹ Фенология – наука, изучающая сезонные ритмы природы.

В «природоохранном» дискурсе Российской империи, складывавшемся в последние десятилетия ее существования, можно отметить ряд тропов, несущих характер нормативности и должностования: обеспечить продовольствием голодных; совершить исторический прыжок из «азиатской» отсталости и стать передовой цивилизацией; провести национализацию, поскольку роль государства признавалась решающей. Как отмечает М. Эрли, советское отношение к природе следует рассматривать в контексте этих представлений XIX в. [Erley, 2021, p. 3].

Кризис 1891–1892 гг. стал важнейшим фактором как в формировании дискурса о природе, опиравшегося на естественные науки, так и в активизации политики правительства и ее переориентации. Министерство государственных имуществ стало Министерством земледелия с отдельным департаментом мелиорации, в котором работали серьезные специалисты. В конце XIX в. мелиораторы верили, что могут улучшить условия земледелия, повлиять на климат и почвы и приспособить их к нуждам народного хозяйства. Говорилось о том, что нужно «управлять водами» и подчинить их воле человека. Такова была идеология нового поколения инженеров-гидрологов, лежавшая в основе масштабного плана по мелиорации (осушению и орошению) 100 млн десятин земли. Научные экспедиции министерства в 1894–1896 гг. обследовали режимы русских рек, изучили традиционные методы их регулирования и использования и придумали новые, которые могли бы обеспечить эффективную эксплуатацию и одновременно сохранение водных ресурсов. Мелиораторы пришли к выводу о необходимости срочного принятия водного закона, который ограничил бы права владельцев прибрежных территорий, – без этого никакие серьезные гидротехнические проекты были нереальными [Pravilova, 2014, p. 104].

Значение рек как путей сообщения, как источника воды для сельского хозяйства и для растущих городов и, наконец, как национального богатства, было в 1890-е годы осознано во всей полноте. В эти годы российская индустриализация находилась на своем пике: строились железные дороги, заводы и фабрики, разрабатывались угольные месторождения, росли и электрифицировались города. Довольно быстро стало понятно, что реки – необходимый элемент решения стоящих перед страной инфраструктурных задач. Именно тогда русские инженеры начали разрабатывать проекты, многие из которых были реализованы в советское время, а некоторые – как, например, поворот сибирских рек, остались памятниками инженерно-технической мысли эпохи модерна.

В эти годы в Европе и Америке реализовались грандиозные проекты: в 1895 г. кайзер Вильгельм торжественно открыл канал, соединивший Балтийское и Северное моря; в 1904 г. началось строительство Панамского канала. Столь же грандиозные планы создавали и русские инженеры, их технологическое воображение не знало границ [Pravilova, 2014, p. 115].

Вся эта деятельность была отмечена совершенно определенным стремлением «завоевать природу» – своего рода *profession de foi* молодых инженеров, видевших свою «миссию» в преобразовании не только материального, но и социального мира. Их целью было «заставить природу работать» во благо человека, цивилизации и прогресса [Pravilova, 2014, p. 128]. Майя Петерсон называет взгляды такого рода «частью глобального диалога о могуществе науки и технологий», которые призваны содействовать движению человечества по пути прогресса в эпоху «современности» – когда отставание казалось величайшим грехом [Peterson, 2019, p. 3], а Юлия Обертрайс – идеологией высокого модернизма, относя ее, правда, к послевоенному периоду [Obertreis, 2017].

Троп «завоевания природы», описывающий отношения человечества с окружающим миром, вел свое происхождение из века Просвещения. Тогда исходили из представлений об уязвимости человека перед силами природы, издревле налагавших существенные ограничения на его жизнь. В период научно-технологической революции второй половины XIX в. под «завоеванием природы» подразумевалось «драматическое изменение ландшафта для удовлетворения человеческих нужд» [Chu, 2020, p. 112–113]. Представлялось, что технологические достижения позволят освободить человечество и поставить природу на службу человеку.

Эта идеология стала одним из центральных догматов для пришедших к власти большевиков, и инженеры вполне разделяли их «этику модернизации», с большим энтузиазмом участвуя в проектах по преобразованию природы. Новое советское государство реализовало так называемый проект Просвещения с его верой в могущество науки и технологий, в необходимость трансформации общества на научных основаниях. К 1930-м годам СССР взял на вооружение и имперскую «цивилизаторскую миссию» – в виде триединого проекта индустриализации, коллективизации и культурной революции, который подразумевал привнесение цивилизации на окраины бывшей империи и воплощал борьбу с «темнотой» и отсталостью [Peterson, 2019, p. 20–21].